

Александръ С. Хахановъ.

ОЧЕРКИ

по

ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 3-й

БИБЛИОГРАФИЯ 1901—1903 годовъ

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРИАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИСТОРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЕ.

МОСКВА,

1903.

1901, апрель 29.

Москва.

наш профессор
из Мюнхен.
Альбрх.

Рукопись ватажиной профессору!

III.

Я чуже получивъ ятсюево отмечено мною ставить
Кашинъ и Финикъ, а также горючарѣ, за что прошу
Васъ принять мою искреннюю благодарность.

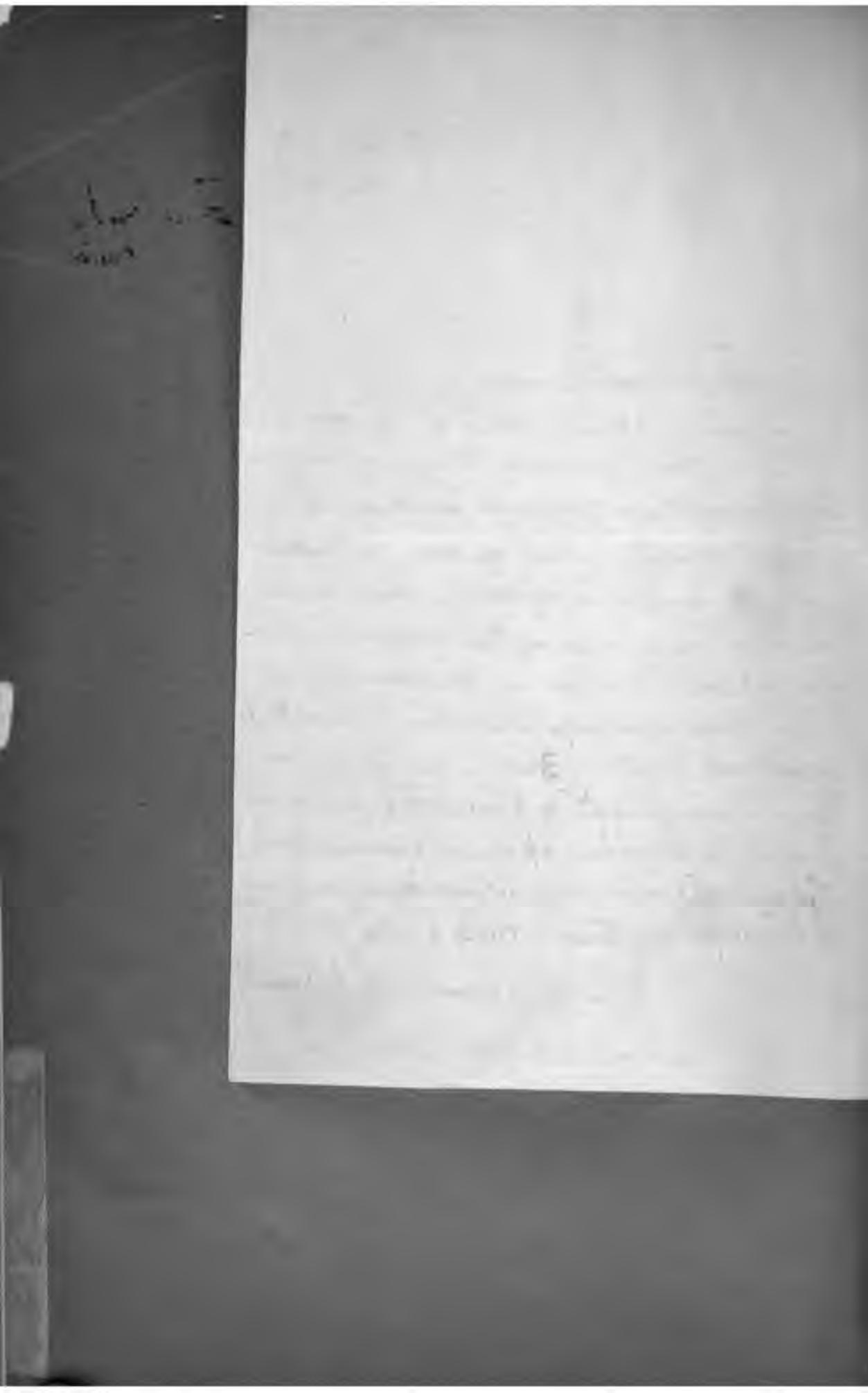
Прилагая къ Вашему рукописи уважение, желаюось
прислать Вамъ, какъ возвращение моего погибшаго,
прекрасного гравюра моего труда "Огурки по испан-
ски гуаринианской живописи". Къ сожалению, у
меня не было времени прислать "Огурцы", то
священнаго Кардиналу Элюсу и антидрафтъ и
Древней литературы до конца XIII в., и потому
можетъ разъяснить это также просимъ Вашъ.
Преждаго обещаніе, если не оправдание скажешь
Библиографии ятсюевъ слово о моемъ книжѣ.

Въ глубокомъ погибшемъ Альбаханѣ

Академія. Москва. Назаревъ и Кофандъ.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1901.

Александръ С. Хахановъ.

ОЧЕРКИ

*Бывшему профессору
Д. фон Шредеру.
Авторъ.*

ПО

ИСТОРИЯ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ 3-й.

ЛИТЕРАТУРА XIII—XVIII ВВ.

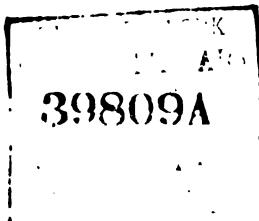
ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

Печатано подъ наблюденіемъ члена-соревнователя А. С. Хаханова.

Предлежащій третій выпускъ Очерковъ по исторіи грузинской словесности заключаетъ обзоръ памятниковъ XIII—XVIII в., распределенныхъ по четыремъ группамъ: памятники собственно-литературные, памятники исторические, памятники духовной литературы и памятники юридические. Особая глава посвящена вопросу о началѣ грузинского книгопечатанія и судьбѣ первыхъ грузинскихъ типографій какъ въ самой Грузіи, такъ въ ея предѣловъ. Въ приложениі напечатано нѣсколько апокрифовъ изъ евангелій Іоакова и Никодима.—Какъ въ предшествовавшихъ выпускахъ, я ставилъ своей цѣлью познакомить читателей съ содержаніемъ самихъ памятниковъ, указать по возможности ихъ происхожденіе и отмѣтить параллель въ литературныхъ произведеніяхъ другихъ народовъ. Въ виду того, что значительная часть книги содержитъ обзоръ такихъ произведеній, которые остаются лишь въ рукописяхъ, и потому являются большинству недоступными, я передавалъ сюжетъ такихъ памятниковъ съ большими подробностями сравнительными съ печатными произведеніями. Останавливаясь на послѣднихъ, задача моя ограничивалась изложеніемъ и анализомъ ихъ литературныхъ источниковъ. Этимъ мотивомъ объясняется неравномерность количества страницъ, отведенныхъ обзору печатныхъ и рукописныхъ материаловъ. Помимо этого преобладанія изложенія сюжетовъ надъ оцѣнкой ихъ, еще одинъ видимый недостатокъ можетъ поразить читателя, а именно привлеченіе къ обзору и такихъ памятниковъ, которые не укладываются въ рамки периода XIII—XVIII в. Дѣйствительно, въ иныхъ случаяхъ пришлось руководствоваться не столько хронологической датой, сколько характеромъ такихъ произведеній, которые стоять на рубежѣ конца XVIII и начала XIX в. Писатели, выступившіе на литературное поприще въ XVIII в. и захватившіе еще первое десятилѣтіе XIX ст., принадлежать особенностями и манерой своей дѣятельности къ предшествовавшему вѣку.—Настоящей книгой закончиваются обзоръ словесныхъ памятниковъ до возвращенія русскаго вліянія въ Грузіи. Слѣдующій четвертый выпускъ будетъ посвященъ зарожденію и развитію новой грузинской литературы въ теченіе XIX вѣка. Наиболѣе трудная часть обозрѣнія, опирающаяся главнымъ образомъ на неизданные еще материалы грузинской письменности вклю-

Крестовому походу противъ мусульманъ, но онъ не состоялся по причинѣ разногласій, возникшихъ въ Венеціи между европейскими послами. Не состоялся также предполагавшійся бракъ дочери цара Георгія VIII съ Константиномъ XI Палеологомъ, императоромъ византійскимъ, вслѣдствіе осады Константиноополя турками.

Въ 1453 г. падаеть Константинополь, и съ тѣхъ порь Западная Грузія испытываетъ политическое вмѣшательство Турціи во внутреннія дѣла, а Восточная Грузія подпадаетъ подъ вліяніе Персіи. И вотъ начинаются безконечныя интриги: пользуясь раздорами между разными частями Грузіи, персы и турки вмѣшиваются въ ихъ распри и, подъ видомъ принятія мѣръ для умиротворенія, возбуждаютъ усобицы, поднимаютъ цара—отца на царя—сына, брата на брата, сокрушая ихъ же руками честь и свободу страны. Вмѣшательство ихъ очень часто сопровождалось религіознымъ ренегатствомъ, опасными примѣрами измѣны царей вѣрѣ христіанской. Исламъ начинаетъ водворяться съ неожиданнымъ успѣхомъ на развалинахъ христіанства. Почти съ самаго начала 17-го вѣка на карталинскомъ престолѣ начинается рядъ царей—мусульманъ. Упомянемъ Вахтанга V-го или Шахъ-Наваза, съ кото-раго начинается линія князей Мухранскихъ на карталинскомъ пре-столѣ, и Вахтанга VI (1711—1724), «притворно», какъ самъ говорить, припявшаго исламъ. О послѣднемъ царѣ рѣчь будетъ ниже. Такъ же притворно принялъ исламъ и Кахетинскій царь Арчилъ (1664—1706), носившій, какъ и всѣ или почти всѣ грузинскіе цари этой эпохи, ма-гометанское имя «Назаръ-ханъ». Оставаясь истиннымъ христіаниномъ, онъ только въ перепискѣ съ шахомъ именовался послѣдователемъ ислама. Усердный поклонникъ народной святыни, знатокъ священнаго писанія, возстановитель храмовъ, онъ заслужилъ имя отца подданныхъ и правосудного царя. Судьба его исполнена характерныхъ для описы-ваемой эпохи превратностей. Онъ по два раза всходилъ на кахетин-скій и имеретинскій троны и кончилъ жизнь изгнаникомъ въ Россіи за письменнымъ столомъ. Ему приналежитъ поэма «Арчиліави», за-ключающая въ себѣ біографію цара Теймураза и рядъ свѣдѣній изъ быта и нравовъ древней Грузіи.

Большинство же царей не отличалось такой идеиностью. Движи-мые узко-династическими интересами, они охотно мѣняли вѣру, обя-зывались доставлять въ гаремы невольницъ и распространять въ на-родѣ исламъ и персидскіе (или турецкіе) обычай. Въ результатѣ въ низшихъ слояхъ общества получилось ослабленіе чистоты христіанской вѣры, къ которой примѣщались, помимо языческихъ остатковъ, эле-менты изъ ученія Магомета; католические миссионеры и русские послы

единодушно отмѣчали это своего рода «троевѣріе». Въ высшихъ же слояхъ, начиная съ самаго царскаго двора, къ этому присоединилось и полное нравственное разложеніе: грубая чувственность, позорные инстинкты, кровосмѣсительные браки и насильственные разводы—все эти пустыни глубокіе корни среди грузинской аристократіи. При этомъ многіе изъ царей — магометанъ первые во всемъ подавали соблазнительный примѣръ.

Бывали, конечно, и отрадныя исключенія, подадались люди съ поразительно твердыми убѣжденіями и непреклонной волей. Такъ, напримѣръ, царица Кетевань, отличавшаяся небесной красотой и безупречной нравственностью, несмотря ни на какія пытки, которымъ ее подвергли персы, осталась непоколебимой христіанкой. Въ 1624 году на площади въ Ширазѣ царица была обнажена, и тѣльо ея рвали раскаленными щипцами. На страшные обжоги клали горячіе уголья, и она все-таки не измѣнила своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ, на ея голову надѣли раскаленный чугунный котелъ, и она скончалась, вѣнчанная этимъ страшнымъ мученическимъ вѣнцомъ. Царица Кетевань, причислена къ лицу святыхъ, и мощи ея частью покоятся въ Бельгіи, въ соборѣ города Немура, куда взяли часть ея тѣла католические миссионеры, бывшіе свидѣтелями ея казни.

Къ сожалѣнію, врагъ былъ настолько могущественъ и коваренъ, а Грузія, помимо того, что силы ея были положительно ничтожны въ сравненіи съ непріятельскимъ, такъ еще вдобавокъ раздиралась безконечными междуусобицами, что всѣ почти сильныя личности кончали жизнь такъ же, какъ и царица Кетевань. При поразительномъ отсутствіи солидарности между различными областями Грузіи, между царями и феодалами, при полномъ господствѣ личныхъ интересовъ и мелочного самолюбія въ дворянствѣ, силы ихъ находили единственный исходъ—въ мученичество; итти на компромиссы не было въ ихъ натурѣ.

Трудно представить себѣ картину болѣе сильнаго и всеобщаго господства мелкаго самолюбія, которому бы приносились въ жертву самые существенные интересы и свои собственные и всей страны, чѣмъ это было въ Грузіи XVII вѣка. Политическому разложенію Грузія обязана своимъ культурнымъ упадкомъ и оскудѣніемъ литературнаго творчества.

Характеръ грузинской литературы XIII—XVII в.

Съ XIII в. по XVIII в. дошедшіе до насъ памятники грузинской письменности увеличиваются въ количественномъ отношеніи, но по качеству они не отличаются ни оригинальностью, ни художественностью. Большая часть изъ нихъ можетъ быть распределена по двумъ группамъ: одна изъ нихъ обнимаетъ нравственно-дидактическія произведенія, другая сосредоточивается на сказочныхъ сюжетахъ. Творческій духъ замѣтно блекнетъ, лучъ поэтическаго вдохновенія весьма рѣдко блеснетъ на пространствѣ почти пяти вѣковъ. Продуманнымъ по определенной концепціи произведеніямъ XI—XII стол. соответствуютъ въ послѣдующую эпоху искусственное сплетеніе сказочныхъ сюжетовъ съ поучительной цѣлью. Выразительный языкъ классического периода замѣняется простымъ, но не отдаленнымъ стилемъ, глубокая, художественная серія поэмъ отодвигается беззвѣтнымъ рядомъ персидскихъ переводныхъ пітическихъ упражненій и чудовищныхъ разсказовъ. Проявляя скучность въ творчествѣ за обозрѣваемый промежутокъ времени, грузинские писатели обращаются съ небывалой дотолѣ страстью къ изученію прошлой судьбы современного быта своей родины и тщательно собираютъ историческія свѣдѣнія и юридические обычаи. Источники по истории Грузіи обогащаются весьма подробными историческими и правовыми документами. Эти памятники въ связи съ многочисленными произведеніями духовнаго содержанія даютъ яркую картину состоянія грузинской письменности съ золотой ея эпохи до начала XVIII вѣка, къ которому относится возрожденіе политической мощи и культурнаго подъема Грузіи вообще или такъ называемый серебряный вѣкъ въ грузинской литературѣ.

Характеръ вышепоименованныхъ памятниковъ письменности служить основаниемъ разсмотрѣть ихъ по слѣд. отдѣламъ: 1) памятники чисто-литературные, оригинальные и переводные, 2) памятники исторические, 3) памятники юридические и 4) памятники духовной литературы.

Обратимся къ обозрѣнію первого отдѣла.

РУСУДАНИ.

Къ самому началу XIII в., ко времени, вѣроятно, царствования Русудани, относится объемистый доныѣ рукописный памятникъ «Русуданіани». Русуданіани представляетъ сборникъ двѣнадцати сказокъ, связанныхъ между собою искусственно, дидактической идеей. Д. И. Чубиновъ напечаталъ два отрывка изъ этого сборника: въ грузинской хрестоматіи, изданной имъ въ 1846 г. (I, стр. 36—73), онъ привелъ выписки изъ повѣсти о китайскомъ царевичѣ Джимшидѣ (II гл.), а въ хрестоматіи 1863 г. онъ помѣстилъ изъ Русуданіани IX главу—отрывокъ изъ повѣсти о Гостамѣ. Покойный грузинологъ относилъ названный памятникъ въ XIII в., основываясь «на слогѣ романа», отличающемся простотой, признакомъ, характеризующемъ произведения этого столѣтія. Соображеніе это имѣло бы убѣдительную силу, если бы были установлены особенности грузинского языка, вскрывающіяся въ памятникахъ въ хронологическомъ порядкѣ или существовалъ исторический обзоръ грамматическихъ формъ и лексического состава грузинскихъ произведеній по вѣкамъ. По одной «простотѣ слога» трудно пріурочить «Русуданіани» къ XIII ст. Другой изслѣдователь грузинской стаини, акад. Броссе относилъ этотъ памятникъ къ XV в., основываясь на внутреннихъ признакахъ самого произведенія. Мнѣніе это имѣ выражено въ обзорѣ памятниковъ по грузинской романической литературѣ¹⁾.

Сюжетъ Русуданіани²⁾ можетъ быть выраженъ въ нѣсколькихъ словахъ. Добрѣтельный мужъ Аптвиміане имѣлъ 12 умныхъ сыновей и одну прекрасную дочь Русудану. Потомокъ царственныхъ предковъ изъ Іемена, Манучаръ, женится на красавицѣ Русуданѣ. Воспитанный тайно въ христіанской вѣрѣ, онъ получаетъ приглашеніе ко двору безбожного царя, который обѣщаетъ ему возвратить наслѣдіе, нѣкогда потерянное его предками. Видя въ этомъ повелѣніи царя волю Божію, онъ уѣзжаетъ и этимъ ввергаетъ жену свою въ безутѣшное горе. Однако, безбожный царь не довольствуется этимъ: онъ требуетъ къ себѣ

¹⁾) *Brosset. Bulletin Scientifique* Имп. Ак. М. 1838, IV, стр. 53—62; *Mélanges Asiatiques* (—Bul de l'Ac. 1878, t. XXIV) t. VIII, p. 438, 24.

De la littérature romanesque géorgienne.

²⁾) Полные рукописи „Русуданіани“ не многочисленны; чаще встречаются отдельные эпизоды о Джимшидѣ „Джимшедіани“. Полные списки имѣются въ Общ. грамот. въ Тифлисѣ, СПБ. Имп. П. Библ. (Собр. кн. Грузинскаго № 72—А), Азіатскаго Музея (Géorg. 62—В) и значится въ спискѣ груз. памятниковъ, сост. въ 1824.

дочь Манучара, Роадому, а затѣмъ и сына его, Придона. Успокоивать Русудану въ безъисходной тоскѣ пріѣзжаютъ ея родители, а за ними 12 братьевъ, которые ее развлекаютъ поучительными рассказами. Къ концу двѣнадцатаго рассказа пріѣзжаетъ Придонъ, который велить записать рассказы всѣхъ дядей. Рассказы эти, проникнутые идею, что печали и испытанія смѣняются подъ конецъ по волѣ Божией радостью и покоемъ. По словамъ проф. Чубинова повѣсть характеризуетъ быть, понятія, нравы народа и современное домоустройство. Мнѣніе это вѣрно, по крайней мѣрѣ, съ точки зренія религіозной идеи, согрѣвающей всѣ части повѣсти.

Авторъ «Русуданіани» безусловно грузинъ, при томъ онъ христіанинъ¹⁾), сумѣвшій приноровить свой рассказъ ко вкусамъ христіянской читающей публики. Главную героиню свою онъ называетъ Русуданой, въ судьбѣ которой улавливаются сходныя черты одноименной грузинской царицы (1223—1247?), дочери Тамары. Совпаденіе въ имени и нѣкоторыхъ фактовъ изъ повѣсти и исторіи подало основаніе думать, что само произведеніе относится къ XIII в. Подобно Манучару Іеменскому, грузинскимъ царямъ эпохи монгольского ига приходилось отправляться къ языческимъ государямъ за утвержденіемъ своей же наследственной власти: сынъ царицы Русуданы Давидъ Наринъ ѿдѣть въ Каракорумъ къ великому монгулу въ видахъ укрѣпленія за собою престола Грузіи, а дочь ея, Тамара, выдана за сельджука.

Есть основаніе думать, что авторъ «Русуданіани» пользовался устными сказаніями, и если мы не можемъ утверждать, что всѣ рассказы записаны со словъ народа, то относительно нѣкоторыхъ кажется вѣрнымъ предположеніе, что источникомъ его повѣсти послужили отголоски народныхъ произведеній (не говоря о томъ, что часто встрѣчаемъ имена Таріеля и Автандила). Во II-мъ разсказѣ мы находимъ героевъ Бедукугмати (обладатель превратной судьбы—неудачникъ) и Бедшави (обладатель черной судьбы—несчастный), а въ XII разсказѣ выступаютъ героини съ обычными и пынѣ въ комическихъ повѣстяхъ именованіями: Ититине (Болтуны) и Илапараке (Говоруны). Эти главы, считая ихъ даже занесенными извнѣ, мы считаемъ записанными изъ устныхъ сказаній. Можно допустить, что авторъ самъ передѣлалъ въ сказочную повѣсть тотъ или иной памятникъ духовной литературы, напр. въ повѣсти о государѣ Ибреимѣ (VI гл.) мы, несомнѣнно, имѣ-

¹⁾ О христіанствѣ говорится въ разсказѣ о Европѣ, во введеніи 1—5; I, 3, 30; III, 1, 5, 10 и др.; о груз. народѣ и языкѣ II, 3, 5, 10; III, 4, 15; IV, 8, 10—12 и др.

емъ особый изводъ сказанія объ Евстратіи и его сем'ѣ¹). Въ началѣ повѣсти о Караманѣ, царѣ Урумскомъ, рассказчикъ, четвертый братъ говорить, что онъ сообщитъ исторію въ переводѣ съ арабскаго.

Въ «Русуданіани» встрѣчаются указанія поздняго его происхожденія: огнестрѣльное оружіе, часы, монета абазъ, введенная въ Грузіи въ употребленіе при шахѣ Аббасѣ I (1585—1628²). Но эти слова могли быть внесены поздними переписчиками, и мы пока не видимъ убѣдительныхъ доводовъ передвигать разбираемый памятникъ съ XIII къ XVII в.

Въ странѣ Змирианской былъ именитый мужъ, который имѣлъ 12 славныхъ сыновей и одну дочь—Русудану, слухъ о красотѣ которой распространился всюду. Отецъ, не желая съ нею разставаться, отказалъ 12 царевичамъ, прибывшимъ просить ея руки³).

Въ странѣ Іеманетской жилъ богатый и могучій царь. За оставленіе истиннаго Бога и переходъ въ идолопоклонство, онъ былъ наказанъ свыше: по смерти его царство досталось другому, такъ какъ никого не осталось изъ его невѣрующаго рода. Малолѣтній сынъ его, Манучаръ, былъ тайно взятъ, по смерти матери, однимъ вельможей, который далъ ему блестящее образованіе—свѣтское и духовное. Онъ внушилъ своему воспитаннику притвориться неразумнымъ предъ проѣдавшимъ объ немъ царемъ, и царь отпустилъ вельможу съ царевичемъ безъ угрожавшаго имъ наказанія. Состояніе царевича росло быстро, онъ старательно возобновлялъ крѣпости и башни, но престоль отца все оставался за врагомъ. Къ этому времени онъ узналъ, что въ странѣ Змирианской живеть мужъ Аптиаміане, имѣющій красавицу—дочь—Русудану. Онъ отправляется добиться ея руки. Послѣ продолжительныхъ просьбъ, отецъ, долго не соглашавшійся разстаться съ до-

¹) Груз. изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани“.—СПБ. 1895, 229 (въ Сборникѣ „Восточные Замѣтки“). Мученичество св. Евстратія съ домочадцами существуетъ на груз. яз. въ переводѣ Евгемія Святогорца XI в. А. А. Цагарели. Свѣд. о памятн. груз. письм. I, 1886 стр. 58, № 4.

²) *Langlois. Essai de classif. des series monetaires de la Géorgie*, p. 106—7.

³) Напечатаніе жирнымъ шрифтомъ заглавіе соотвѣтствуетъ киновари въ рукописи.

черью при своей жизни, устраивает торжественную свадьбу. Манучаръ пріобрѣлъ силу и славу, пересталъ служить царю персидскому и іеменетскому.

Родилось у него три сына и одна дочь. Донесли враги персидскому царю, что Манучаръ не покланяется его богамъ и не признаетъ его власти. Царь грозно потребовалъ его къ себѣ. Трогательно прощается онъ съ своей женою, которая падаетъ въ сильный обморокъ при разставаніи съ любимымъ мужемъ. По порученію царя Манучаръ совершаєтъ рядъ побѣдоносныхъ нападеній на враговъ страны. Но недруги несчастнаго мужа продолжаютъ свое гнусное дѣло: они опять донесли царю, что у христіанина Манучара есть красавица—дочь, которую немедленно деспотъ вытребовалъ себѣ.

Манучаръ опасается огорчить жену новой жестокой разлукой съ дочерью, которая служить ей утѣшениемъ въ горестномъ положеніи. Когда объявили Русуданъ о такомъ немилостивомъ велѣніи паря, то она отказалась уступить дочь, обливая ее горючими слезами. Воспользовавшись ея безсознательнымъ отъ горя состояніемъ, похитили ея дочь и увезли.

Мать предается отчаянному горю. Даютъ знать обѣ ней родители,—тѣ являются немедленно къ любимой дочери, которой не узнаютъ, настолько она измѣнилась въ лицѣ отъ горя. Между тѣмъ царь по навѣту враговъ вытребовалъ письмомъ на грузинскомъ языке и старшаго сына Манучара, Придона. Этотъ приказъ нанесъ Русуданъ сильный нравственный ударъ. Съ горя несчастная перестаетъ иѣть, и пить. Родители ее утѣшаютъ религіозными размышленіями, обращая ея мольбы къ Богу. Она старалась для успокоенія опечаленныхъ родителей скрыть свое горе, но «огонь сердца, ея пожирающей, былъ сильнѣе пламени изъ печи». Пришли и братья изъ Китая и окружили ее нѣжною любовью, говоря, что Придонъ такой герой, что можетъ безопасно даже въ царство дэвовъ отправиться. Русудана предается отчаянію, говоря, что ея горе безпримѣрно. Но ей приводили изъ книгъ примѣры, какъ люди подвергались различнымъ испытаніямъ и въ концѣ получали удовлетвореніе.

Старшій братъ рассказалъ ей, какъ разъ, по порученію отда, совершилъ онъ походъ въ страну Хоросанскую, а оттуда отправился въ Китай, чтобы удостовѣриться, насколько въ самомъ дѣлѣ это царство велико. Самъ китайскій царь сообщаетъ ему, что въ одинъ годъ онъ не объѣдетъ его владѣній. Послѣдній при этомъ рассказалъ, что былъ царь Зостерь, сынъ Зосима, у которого наследникъ Зави былъ занять только игрой въ мячъ и охотой, не интересуясь государственными дѣлами.

лами и воинскими доблестами. Царь упрекнулъ его разъ въ этомъ. Сынъ, написавъ письмо, что уходитъ на 7 лѣтъ, чтобы вернуться достойнымъ трона или погибнуть, исчезъ къ невыразимому огорченію своихъ родителей и попалъ въ чудную китайскую страну. Во снѣ подъ орѣховымъ деревомъ явился ему старецъ и предупредилъ о грозящей опасности вслѣдствіе наступающей бури, причемъ съдѣнныя орѣхи сообщили ему пониманіе языка змѣй¹⁾). Онъ поднялся и привязалъ себѣ къ дереву, и это спасло его отъ гибели при появленіи трехъ змѣй: черной, бѣлой и красной съ ужаснымъ свистомъ. Онѣ стали разсказывать другъ другу случаи изъ своихъ наблюденій. Черная разсказалла, что красивый и мужественный мисретскій²⁾ царевичъ 7 лѣтъ боленъ, родители носятъ его къ докторамъ, но онъ умреть, такъ какъ не знаютъ, что лѣкарство заключается въ томъ, чтобы медъ, рѣдьку и траву изумрудную (?) столочь вмѣстѣ и растирать этой смѣсью голову и шею. Въ головѣ у юноши сидѣть лягушка и чтобы ее изгнать, нужно кожу съ черепа слегка подрѣзать, принести тазъ и влиять шибко струи воды, а съ прижатiemъ рукою головы темъ откроется и лягушка выскочить. Бѣлая сказала, что богатый индійскій городъ погибнетъ отъ безводія, а между тѣмъ стоитъ срыть горку въ серединѣ города и воды будетъ въ изобилії. Красная по молодости не знала ничего своего и сказала, что слышала отъ отца, какъ погибаєтъ отъ одного дэви страна «Шапки-Невидимки», а его убить научить христіанка — красавица, которая у него находится въ плѣну. Со свистомъ змѣи удалились, а царевичъ спустился съ дерева, собралъ указанную черной змѣей траву и отправился въ Мисретію, где испѣваетъ царевича, получаетъ царскую корону съ горячею благодарностью отъ царя, но не остается съ ними и идетъ въ Индію. По дорогѣ, указываемой постоянно таинственнымъ проводникомъ, онъ мисретской булавой убиваетъ дракона. Открывъ обильный источникъ въ индійскомъ городѣ, съ «Божьей помощью» въ сопровожденіи царской стражи, онъ рѣшается, несмотря на отговоры, идти въ богатѣйшую страну «Шапки-Невидимки», где приносить мѣстному царю полученные въ Индіи подарки. Убиваетъ дэви, овладѣваетъ сокровищами, скрытыми матерью той красавицы-царевны, которая ему помогла и отдала ключи отъ кладовыхъ. Извѣстили письменно «Царя Морей», что храбрый царевичъ Завъ освободилъ его сестру изъ плѣна, и въ ожиданіи отложили свадьбу до его прихода. Этотъ царь шель отомстить за кровь отца и матери, а по дорогѣ встрѣтилъ вѣстника объ убийствѣ дракона. Послѣ блестящей свадьбы, по желанію Зава,

¹⁾ Ср. сказку у Бебура „Правда и Кривда“, стр. 88.

²⁾ Египетъ часто называется въ грузин. рукописяхъ Мисретіей.